

УДК 81'42:004.738.5(=161.1,=161.3)

**МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ
КОММЕНТАРИИ В ИНТЕРНЕТ-
ДИСКУРСЕ**

Т. В. Бобко,
*кандидат филологических
наук, доцент, доцент
кафедры общего языкознания МГЛУ*

Поступила в редакцию 27.12.16.

В статье рассматриваются закономерности речеактовой организации русско- и белорусскоязычных метакommunikативных высказываний. Установлено, что сходство в речеактовой организации русско- и белорусскоязычных метасообщений, которое проявляется в устойчивой корреляции между выбором нерепрезентативной формы комментария и его типом и функциональными характеристиками, обусловлено общими задачами метакommunikативного мониторинга и контроля, а различия связаны с социолингвистическими аспектами метакommunikативной деятельности, в частности с отношением говорящих к языку коммуникации.

Ключевые слова: метакommunikация, наивная лингвистика, обыденное метаязыковое сознание, языковая ситуация, социолингвистика, речевые акты.

The article deals with patterns of the illocutionary organization of Russian- and Belarusian-language metacommunicative statements. The study is carried out on the material of Russian and Belarusian popular non-specialized online forums of Belarus, which allows to observe directly the metacommunicative reflection of speakers. The similarity in illocutionary organization of Russian and Belarusian metamessage was found out which is manifested in the strong correlation between the choice of non-representative forms of commentary and its type and functional characteristics, due to the general tasks of metacommunicative monitoring and control, and differences related to the sociolinguistic aspects of metacommunicative activities, in particular with speakers' relation to the language of communication were described.

Keywords: metacommunication, folk linguistics, ordinary metalanguage consciousness, language situation, sociolinguistics, speech acts.

Исследование деятельности обыденного метакommunikативного (этот термин мы используем в широком смысле – для обозначения вербальной рефлексии над любыми фактами и процессами коммуникации) сознания становится особенно продуктивным в сопоставительном аспекте, что дает возможность выявить факторы, влияющие на условия и формы экспликации метакommunikативной рефлексии у носителей разных языков. Одним из направлений научных разработок в данной сфере является теоретическое осмысление и социолингвистическое приложение многообразных проявлений обыденного метакommunikативного сознания – вербализаций, которые отражают мнения, представления и оценки говорящих относительно разных аспектов коммуникации и являются существенным фактором для решения вопросов языковой политики, связанных, в частности, с языковым планированием [1–5]. Языковая ситуация Беларуси, в кото-

UDC 81'42:004.738.5(=161.1,=161.3)

**METACOMMUNICATIVE
COMMENTARIES IN INTERNET
DISCOURSE**

T. Bobko,
*Candidate of Philology, Associate
Professor, Associate Professor of the
Department of General Linguistics, MSLU*

Received on 27.12.16.

рой формально равнозначные языки имеют в действительности неодинаковые условия функционирования, актуализирует символическое употребление белорусского языка: «коммуникативная функция языка оказывается включенной в его этноконсолидирующую, эстетическую, метаязыковую функции» [6, с. 88]. Установление специфики метакommunikативной деятельности на русском и белорусском языках позволяет увидеть степень и факты влияния представлений о функциях этих языков и их роли в современном белорусском культурном пространстве на метакommunikативное поведение русско- и белорусскоязычных белорусов.

Целью настоящей статьи является определение факторов, влияющих на выбор речеактовой формы русско- и белорусскоязычных метакommunikативных сообщений (в качестве материала исследования были выбраны белорусские интернет-форумы, которые содержат обсуждения широкого круга

общественных и бытовых вопросов и позволяют наблюдать спонтанную метакommункативную деятельность говорящих).

Естественно, что большинство метасообщений имеет репрезентативную форму. Наибольший интерес вызывает распределение директивных, экспрессивных и интеррогативных реализаций и их корреляция с разными типами и функциональными характеристиками метасообщений.

Мы различаем типы метасообщений в зависимости от того, на каком аспекте коммуникации фокусируется внимание говорящего и чья речь становится объектом комментария. Соответственно, выделяются метаязыковые (направленные на языковой код), метатекстовые (направленные на содержательные и формальные характеристики сообщения) и собственно метакommункативные (направленные на коммуникативное поведение собеседников); рефлексивные (содержащие автокомментарий) и нерефлексивные (содержащие комментарий речи собеседника) комментарии. С точки зрения функциональных характеристик мы различаем метасообщения, реализующие контроль за пониманием смысла сообщения, регулирующие развитие диалога и выражающие разнообразные метакommункативные оценки.

Частотность речеактовых характеристик метасообщений, имеющих нерепрезентативную форму, представлена в таблицах 1 и 2.

Таблица показывает тенденцию к определенному сходству удельного веса разных речеактовых реализаций метасообщений; эта тенденция нарушается в связи со значительно большей частотностью интеррогативной формы белорусскоязычного метаязыкового комментария. Это связано с обычными для белорусскоязычной метакommункации вопросами о правильности используемых языковых форм: повышенное внимание к языковой стороне сообщения заставляет белорусскоязычного пользователя постоянно сверяться с авторитетными источниками. Кроме того, частотность интеррогативов связана и со значи-

тельным количеством неопитов, которые видят в интернет-дискуссиях возможность усовершенствовать знание белорусского языка.

К важным закономерностям речеактовых характеристик рефлексивных метасообщений относятся преобладание экспрессивного компонента (в основном это извинения) у русскоязычных комментариев всех трех типов, а также нечастотность интеррогативных и директивных форм у метатекстовых комментариев, что связано, по видимому, с необязательностью или меньшей важностью в глазах говорящих интерактивного оформления тех метасообщений, которые направлены на содержательные и формальные текстовые параметры (объем, ясность, логичность и др.). Меньшая частотность экспрессивных компонентов в белорусскоязычных метасообщениях связана, по нашему мнению, с тенденцией к меньшей интерактивности и большей информационной и коммуникативной свободе: белорусскоязычный пользователь неохотно выходит за пределы собственного информационного пространства и демонстрирует меньше стремления к обеспечению коммуникативного взаимодействия с другими пользователями в тех ситуациях, когда извинение служит для предвосхищения реакции собеседников или предотвращения нежелательной ответной реплики (*Простите за сумбурный ответ; Извините, что вмешиваюсь*): с помощью подобных формул говорящий показывает, что осознает и адекватно оценивает нарушение тех или иных коммуникативных норм. Экспрессивные компоненты в белорусскоязычной метакommункации наиболее активны среди метаязыковых сообщений, что обусловлено уже упомянутым вниманием к правильности речи: сознавая несовершенное владение языком, белорусскоязычный пользователь испытывает потребность извиняться за действительные или возможные ошибки, в то время как русскоязычный собеседник обычно просит прощения за использование сниженных языковых единиц или несоблюдение определенных правил общения.

Таблица 1 – Частотность речеактовых реализаций рефлексивных метасообщений

Тип речевого акта	Метаязыковые комментарии		Метатекстовые комментарии		Собственно метакommункативные комментарии	
	Русский язык	Белорусский язык	Русский язык	Белорусский язык	Русский язык	Белорусский язык
Интеррогативы	4 %	14 %	1 %	-	5 %	6 %
Экспрессивы	12 %	8 %	8 %	4 %	8 %	4 %
Директивы	4 %	5 %	1 %	1 %	3 %	3 %

Таблица 2 – Частотность речеактовых реализаций нерефлексивных метакомментариев

Тип речевого акта	Метаязыковые комментарии		Метатекстовые комментарии		Собственно метакоммуникативные комментарии	
	Русский язык	Белорусский язык	Русский язык	Белорусский язык	Русский язык	Белорусский язык
Интеррогативы	34 %	23 %	4 %	15 %	4 %	6 %
Экспрессивы	1 %	5 %	6 %	10 %	5 %	10 %
Директивы	14 %	1 %	8 %	1 %	42 %	35 %

Корреляция нерепрезентативных речеактовых реализаций с функциональными характеристиками метасообщений демонстрирует устойчивую тенденцию к сосредоточению всех нерепрезентативных реализаций в группе оценочных метасообщений и на русском, и на белорусском языках, что вполне естественно, так как это наиболее прагматически нагруженный вид метакоммуникативных ходов; кроме этого, интеррогативные реализации и экспрессивные компоненты представлены среди собственно метакоммуникативных комментариев, направленных на мониторинг и регуляцию развития диалога: в основном такие комментарии осуществляют мену коммуникативной инициативы или содержат извинения по поводу допустимости или тактичности определенных вопросов.

Частотность нерепрезентативных речеактовых реализаций среди нерефлексивных метасообщений представляет собой более пеструю и менее однородную картину. Определенное сходство прослеживается в активности интеррогативных форм среди метаязыковых сообщений, что связано с заботой об эпистемическом контакте, реализуемой в стремлении к прояснению значений языковых единиц (однако в белорусскоязычных метаязыковых сообщениях эта тенденция менее выражена, чем в русскоязычных), и директивных форм среди собственно метакоммуникативных сообщений, что диктуется потребностью прогнозировать или регулировать коммуникативное поведение собеседника и управлять ходом диалога (при этом в белорусскоязычных дискуссиях это стремление наблюдается реже, чем в русскоязычных).

Важные различия наблюдаются в обратном, по сравнению с рефлексивными комментариями, соотношении экспрессивных реализаций – белорусскоязычные собеседники чаще извиняются за нарушение тех или иных коммуникативных норм (например, за исправления чужих ошибок) или благодарят за информацию, ответ и т. п., чем русско-

язычные: избегая извинений за нарушение коммуникативных норм в собственной речи, белорусскоязычный пользователь в то же время чувствует необходимость обеспечить дополнительными экспрессивными компонентами факт внимания к чужой речи, так как это внимание, по его представлениям о нормах виртуального общения, может выглядеть как коммуникативное давление.

Частотность и характер директивных реализаций метакоммуникативных ходов являются одним из самых существенных различий русско- и белорусскоязычной нерефлексивной метакоммуникации. Белорусскоязычной метакоммуникации свойственно избегать директивов, кроме собственно метакоммуникативных сообщений, направленных на передачу коммуникативной инициативы с целью получения информации (*Парайце танны гатэль; Раскажыце пра вашага лагаледа*). Если русскоязычные директивные метасообщения могут быть реализованы и в прямой, и в косвенной форме, то для белорусскоязычных типичной формой является косвенная; исключением являются речевые действия, направленные на запрос информации, то есть, по сути, являющиеся директивной разновидностью интеррогативов (*Раскажы падрабязней; Падзяліцеся водгукамі пра Турцыю; Распавядзіце ж нам і пра тыя мінусы*).

Так, в русскоязычных собственно метакоммуникативных сообщениях директивные реализации составляют 42 %, из них 22 % представляют собой речевые действия, направленные на получение информации, и 20 % – речевые действия, направленные на регуляцию поведения собеседников (*Промолчите хоть раз; Приведите пример навязывания; Внимательно прочитайте мой пост*); в белорусскоязычных метасообщениях этого типа директивные реализации представлены в 35 % случаев, из них 30 % составляют речевые действия, направленные на получение информации, и только 5 % связаны с регуляцией поведения собеседников, при этом такие действия реализуются в ос-

новном в косвенной форме (*Тэма гэтая ўжо проста аскаміну набіла; Гэта дэмагогія, прабач...*), а прямые коммуникативные требования представлены единичными случаями (*Прабачце, а гэта вы сур'ёзна, ці так, не падумаўшы напісалі?... калі так, то падпраўце... бо, напрыклад, мяне, вясковую, гэта абражае*) и сопровождаются оправданиями или извинениями. Это ограничение связано со стремлением к соблюдению принципов вежливого общения: белорусскоязычная метакоммуникация имеет тенденцию к прагматическим ограничениям, накладываемым на выражение отношения говорящего к чужой речи и требующим минимизации коммуникативного давления в ситуациях, требующих регуляции действий адресата, а также запрета речевых действий, угрожающих позитивному лицу (в терминологии С. Левинсона и П. Браун [7]) адресата. Только метаязыковые, направленные на устранение ошибок говорящего, и собственно метакоммуникативные, направленные на запрос информации, комментарии допускают прямое выражение требований без смягчающих средств, что оправдывается потребностью в повышении уровня языковой компетенции и отсутствием конфликтогенных факторов в ситуациях побуждения к ответу. Тенденция всячески избегать неприятных и потенциально конфликтных ситуаций, связанных с бескомпромиссным выражением собственного мнения или требований к адресатам, связано с необходимостью поддерживать комфортное общение в виртуальной сфере: активно осваивая сетевую коммуникацию [8], белорусскоязычное интернет-сообщество нуждается в виртуальных площадках с благоприятной атмосферой, способной привлекать и удерживать пользователей.

Выбор той или иной нерепрезентативной речеактовой формы метасообщений имеет явную корреляцию с их функциональными характеристиками, как и у рефлексивных комментариев. Интеррогативные реализации свойственны метасообщениям, обеспечивающим контроль понимания, организующие диалог метасообщения, представленные в нерепрезентативной форме, возможны только для собственно метакоммуникативного типа; самая прагматически нагруженная группа – оценочные метасообщения, причем метаязыковые и метатекстовые комментарии не имеют интеррогативной формы, а собственно метакоммуникативные могут быть реализованы во всех

формах. Таким образом, устойчивая связь речеактового оформления и функциональных характеристик метасообщения не зависит от русского или белорусского языка коммуникации и определяется общими мониторинговыми и регулятивными задачами метакоммуникации.

Кроме обсуждавшихся различий в предпочтении прямых или косвенных реализаций директивных речевых действий, русско- и белорусскоязычные метакоммуникативные ходы обнаруживают специфику в способах комментария тех метакоммуникативных действий, которые представляются говорящему недопустимыми или являются социально неодобряемыми. Употребление глаголов, обозначающих такие действия, в перформативной форме, названное З. Вендлером «иллокутивным самоубийством» [9], эксплицирует и тем самым разрушает иллокутивную цель говорящего. Русскоязычные рефлексивные метасообщения, которые комментируют неодобряемые или неблагоприятные коммуникативные действия говорящего, допускают реализацию и в перформативной, и в неперформативной формах: *хвастаюсь, ною, жалуюсь, занудствую, провоцирую; это только формально выглядит как издевательство, я, наверное, зануда, не хотелось бы быть навязчивым, простите за претензии* и т. д. Перформативное употребление глагола в подобных контекстах имеет, с одной стороны, иронический характер, а с другой – служит для говорящего своеобразным оправданием и делает излишней возможную отрицательную оценку собеседников: «подрывной фактор» в терминологии З. Вендлера, который обнаруживает отрицательно оцениваемые коммуникативные намерения, одновременно позволяет говорящему оставаться безнаказанным, поскольку он сам эксплицирует их иллокутивную силу.

Белорусскоязычные рефлексивные метасообщения в подобных ситуациях предпочитают неперформативные реализации: *прабач за назойлівасць, не з мэтай крытыкі, не хачу занудстваваць, не наязджаю, не хачу вінаваціць*; перформативные формы встречаются в единичных случаях: *чапляюся тут да ўсіх, скарджуся*. По нашему мнению, различие отношения русско- и белорусскоязычных пользователей к экспликации неодобряемых или недопустимых коммуникативных действий связано с уже упомянутым стремлением белорусскоязычных собеседников обеспечить комфортную виртуаль-

ную площадку для общения и максимально нивелировать возможные конфликтные ситуации.

Различие в отношении к «иллокутивному самоубийству» еще более очевидно проявляется в нерелективных метасообщениях. Русскоязычные участники дискуссий свободны в проявлении отношения к вербальному поведению собеседника и без ограничений используют иллокутивные глаголы негативно оценочного характера типа *передергивать, придирается к словам, издеваться, обвинять, препираться, переходить на личности, грубить, хамить* и т. п.; при этом метакоммуникативный ход может быть иметь репрезентативную (*Это вы решили отойти от привычного стула и как бы нахамить, но как бы в шутку и изящно; Как удобно, будучи «инкогнито» поливать людей помоями*), интеррогативную (*Вы угрожаете? Вы что, хотите перейти на личности? Почему вы каждый раз пытаетесь унижить, задеть?*), директивную (*Не надо передергивать; Только не начинайте препираться; Выдергивать отдельные фразы из контекста ой как не хорошо*) формы. В белорусскоязычной метакоммуникации экспликация предосудительных коммуникативных целей собеседника через употребление соответствующего глагола воспринимается как недопустимая: нами зафиксированы единичные примеры, которые в основном касаются выбранной собеседником стратегии аргументации (*Перагортваеш; Ты перагарнула ўсе з ног на галаву; Падмяняеш паняцці*); при необходимости указать на неблагоприятные коммуникативные действия собеседника белорусскоязычные пользователи в основном предпочитают вежливые способы выражения смысла: использование имперсонализации (*Разглядаць гіпатэтычныя варыянты незразумела чаго і незразумела дзеля чаго, неканструктыўна*), акцентирование сотрудничества (*Я спадзяюся, не, я проста ўпэўнена, што да спрэчак мы дахадзіць не будзем*), смягчение с помощью модальных средств (*Яшчэ б Вы пракаментавалі, да чаго гэта – цаны б Вам не было*). Кроме того, белорусскоязычная метакоммуникация в подобных ситуациях избегает интеррогативных реализаций, которые ограничиваются единичными примерами (*Гэта што, падколка такая?*).

Стремление белорусскоязычных пользователей к обеспечению гармоничной комму-

никации проявляется не только в максимальном нивелировании потенциальных конфликтных ситуаций, но и в тенденции к созданию позитивных образов говорящего и адресата как толерантных, выдержанных, вежливых собеседников, нацеленных на коммуникативное взаимодействие; таким образом акцентируется факт общения единомышленников, объединенных по языковому признаку. Если русскоязычный говорящий не испытывает опасений, связанных с тем, как его воспринимают собеседники, и поэтому достаточно свободен в экспликации собственных неодобряемых намерений, то белорусскоязычный пользователь стремится к созданию достаточно положительного или нейтрального собственного образа в глазах других участников дискуссии. Образ собеседника в русскоязычной метакоммуникации также может варьироваться от положительного до отрицательного в зависимости от коммуникативной ситуации и намерений говорящего; положительный образ собеседника в белорусскоязычной метакоммуникации поддерживается избеганием перформативной формы для неодобряемых иллокутивных целей и негативно оценочных глаголов говорения.

Таким образом, сходство в речеактовой организации русско- и белорусскоязычных метасообщений, которое проявляется в устойчивой корреляции между выбором нерепрезентативной формы комментария и его типом и функциональными характеристиками, обусловлено общими задачами метакоммуникативного мониторинга и контроля, а различия связаны с социолингвистическими аспектами метакоммуникативной деятельности, в частности с отношением к языку коммуникации. Символический характер коммуникации на белорусском языке обуславливает не только приоритет языковой правильности над массовостью употребления, что препятствует расширению коммуникативного пространства языка [6, с. 47–48], но и очевидное стремление к созданию благоприятной атмосферы интернет-дискуссий, что, с одной стороны, сдерживает естественное, стихийное развитие белорусскоязычного интернет-общения, а с другой – реализует потребность в комфортных для общения интернет-площадках, привлекающих и удерживающих пользователей, с возможностью для них совершенствовать знание белорусского языка в онлайн-режиме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марусенко, М. А. Франкофония: многообразие языковых норм и эпilingвистический дискурс / М. А. Марусенко // Романские языки в прошлом и настоящем : сб. ст. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 353 с.
2. Разумова, Л. В. О роли языка в процессе социокультурной идентификации говорящего / Л. В. Разумова, Н. Кряжева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 34. – С. 99–104.
3. Фавро, Э. Отношение говорящих к языку: генераторы социоллингвистических изменений или их зеркала? (Случай французского) / Э. Фавро // Антропологический форум. – 2014. – № 21. – С. 129–136.
4. Александров, О. А. Моделирование социоллингвистической ситуации «малого» языка по данным обыденного метаязыкового сознания / О. А. Александров, О. А. Андреева // Филологические науки. Вопросы теории и практики – 2014. – Вып. № 4. – Ч. 3. – С. 16–19.
5. Голев, Н. Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства / Н. Д. Голев // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 3. – С. 5–17.
6. Мячкоўская, Н. Б. Мовы і культура Беларусі : нарысы / Н. Б. Мячкоўская ; Філа. фак. Беларус. дзярж. ун-та, Ін-т мовы і літ. НАН Беларусі, Беларус. кам. славістаў. – Мінск : Права і эканоміка, 2008. – 346 с.
7. Brown, P. Politeness: some universale on language usage / P. Brown, S. C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
8. Лукашанец, А. А. Беларуская мова ва ўмовах блізкароднаснага беларуска-рускага білінгвізму: парадоксы развіцця сістэмы, функцыянальнай і моўнай свядомасці / А. А. Лукашанец // Беларуска-рускapольскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: зб. навук. артыкулаў. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. – С. 43–48.
9. Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 238–250.

REFERENCES

1. Marusenko, M. A. Frankofoniya: mnogoobraznye yazykovykh norm i epilingvisticheskiy diskurs / M. A. Marusenko // Romanskiye yazyki v proshlom i nastoyashchem : sb. st. – SPb. : Filologicheskiy fakultet SPbGU, 2007. – 353 s.
2. Razumova, L. V. O roli yazyka v protsesse sotsiokulturnoy identifikatsii govoryashchego / L. V. Razumova, N. Kryazheva // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 34. – S. 99–104.
3. Favro, E. Otnosheniye govoryashchikh k yazyku: generator sotsiolingvisticheskikh izmeneniy ili ikh zerkala? (Sluchay frantsuzskogo) / E. Favro // Antropologicheskiy forum. – 2014. – № 21. – S. 129–136.
4. Aleksandrov, O. A. Modelirovaniye sotsiolingvisticheskoy situatsii “malogo” yazyka po dannym obydennogo metayazykovogo soznaniya / O. A. Aleksandrov, O. A. Andreyeva // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2014. – Vyp. № 4. – Ch. 3. – S. 16–19.
5. Golev, N. D. Osobennosti sovremennogo obydennogo metayazykovogo soznaniya v zerkale obsuzhdeniya voprosov yazykovogo stroitelstva / N. D. Golev // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – № 3. – S. 5–17.
6. Myachkouskaya, N. B. Movy i kultura Belarusi : narysy / N. B. Myachkouskaya ; Filal. fak. Belarus. dzyarzh. un-ta, In-t movy i lit. NAN Belarusi, Belarus. kam. slavistau. – Minsk : Prava i ekanomika, 2008. – 346 s.
7. Brown, P. Politeness: some universale on language usage / P. Brown, S. C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
8. Lukashanets, A. A. Belaruskaya mova va umovakh blizkarodnasnaga belaruska-ruskaga bilingvizmu: paradoksy razvittsya sistemy, funktsyyanalnay i mounay svyadomastsi / A. A. Lukashanets // Belaruska-ruskapolskaye supastaulyalnaye movaznaustva, litaraturaznaustva, kulturalogiya: zb. navuk. artykulau. – Vitsebsk : VDU imya P. M. Masherava, 2013. – S. 43–48.
9. Vendler, Z. Illokutivnoye samoubiystvo / Z. Vendler // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. – Vyp. XVI: Lingvisticheskaya pragmatika. – M. : Progress, 1985. – S. 238–250.